

всего многообразия жизни. Каждый раз, прикладывая ту или иную философскую модель к реальной жизни, мы вынуждены давать новый ответ. Готовых решений нет, и то, что было хорошо и верно вчера, сегодня стало уже неверным и не подходит к нашим взглядам.

Этим и удобна поза мудреца-баснописца, а не философа. Философ обязан строго последовательно выводить из посылки следствие, он должен строить логическую систему доказательств и аргументов. Мудрецу-баснописцу этого не требуется: он рассказывает историю, конкретную и связанную с целым рядом обуславливающих ее причин. Поэтому к каждой истории и прикладывается свой, особый вывод. То, что могло казаться противоречием в лирике, в басенном творчестве снимается логикой жанра. Мудрец потому и мудрец, что он не подлаживается к теории, а умеет каждый раз мудро решить, казалось бы, один и тот же, но одновременно и иной (в силу конкретных обстоятельств) вопрос.

Подобная «противоречивость» особенно наглядно проявляется при решении социальных вопросов. Вот самый простой и естественный из них: социальное равенство — это благо или зло? Кажется, иного, кроме положительного, ответа быть не может. И Крылов пишет, что отсутствие социального равенства приводит к насилию слабого над сильным («Волк и Ягненок», 1808), к непризнанию верхами прав низов («Листы и Корни», 1811; «Мор зверей», 1805), при этом сильные надменны по отношению к слабым, хотя те больше трудятся на общую пользу («Орел и Пчела», до 1813; «Водопад и Ручей», 1812; «Пожар и Алмаз», 1812). Перед природою все равны («Василек», 1823), но люди часто не только нарушают природное равенство, но и установленное ими самими («Совет Мышей», 1811).

Итак, вывод напрашивается сам собою: Крылов отстаивал социальную справедливость и равенство всех людей перед высшим судом.

Но для этого естественного, казалось бы, вывода есть и контрвыводы. Во-первых, при наличии общих социальных условий не каждый умеет правильно воспользоваться ими («Фортуна в гостях», 1816). Во-вторых, если дать людям социальное равенство — они полезут выше, туда, где находится для них нет никаких оснований. Лягушка будет утверждать, что «мы пахали» («Лягушка и Вол», 1808), Скворец захочет петь по-соловьиному, не имея соответствующего дара («Скворец», 1816). Колос будет претендовать на особое внимание, хотя сеятель и сам знает, чего он достоин («Колос», 1819). Поэтому Крылов призывает:

Когда не хочешь быть смешон,
Держися звания, в котором ты рожден.
Простолюдин со знатью не родился;
И если карлой сотворен,